

- Dmitrieva Z.V., Sharomazov M.N. (eds). *Opis` stroenij i imushhestva Kirillo-Belozerskogo monasty`rya 1601 goda (Inventory of buildings and property of the Kirillo-Belozersky monastery in 1601)*. Saint Petersburg, Centr «Peterburgskoe vostokovedenie» Publ., 1998. 384 p. (in Russian).
- Russkie ikony` v sobranii Mixaila de Buara (Elizavetina). *Katalog vy`stavki: Gos. muzej-zapovednik «Czaricyno» (iyun` 2008 – iyul` 2009) (Russian icons in the collection of Mikhail de Boire (Elizavetina). Exhibition catalog: Tsaritsyno State Museum-Reserve (June 2008 – July 2009))*. Moscow, PriPress Interne`shnl Publ., 2009. 368 p. (in Russian)
- Samojlova T.E. *Blagoslovenno voinstvo Nebesnogo Czarya (Blessed is the army of the Heavenly King)*. Moscow, Progress-Tradiciya Publ., 2020. 68 p. (in Russian)
- Smirnova E.S. On the uniqueness of Moscow painting of the late 14th century (“Descent into Hell” from Kolomna). *Drevnerusskoe iskusstvo. Sergij Radonezhskij i udzozhestvennaya kul`tura Moskvy` XIV–XV vv. (Ancient Russian art. Sergius of Radonezh and the artistic culture of Moscow in the 14th–15th centuries)*. Saint Petersburg, Dmitrij Bulanin Publ., 1998, pp. 229–245 (in Russian)
- Trifonova A.N. *Ikona v sobranii Novgorodskogo muzeya (The icon is in the collection of the Novgorod Museum)*. Veliky Novgorod, OOO Pechatny`j dvor Velikij Novgorod Publ., 2013. 176 p. (in Russian)
- Czarevskaya T.Yu. *Rospis` cerkvi Feodora Stratilata na Ruch`yu v Novgorode i ee mesto v iskusstve Vizantii i Rusi vtoroj poloviny` XIV veka (The painting of the church of Theodore Stratelates on a Stream in Novgorod and its place in the art of Byzantium and Russia of the second half of the 14th century)*. Moscow, Severny`j Palomnik Publ., 2007. 615 p. (in Russian)
- Shalina I.A. The oldest icon “Descent into Hell” from the Assumption Cathedral of the Tikhvin Monastery: problems of dating and attribution. *Stranicy istorii otechestvennogo iskusstva. Sbornik statej po materialam nauchnoj konferencii. Russkij muzej (Pages of the history of Russian art. Collection of articles based on the materials of the scientific conference. The Russian Museum)*. Saint Petersburg, Russkij muzej Publ., 2019, pp. 7–23 (in Russian)
- Shedevry` russkoj ikonopisi XIV–XVI vekov iz chastny`x sobranij: Katalog. GMII im. A.S. Pushkina, *Muzej russkoj ikony` (Masterpieces of Russian icon painting of the 14th–16th centuries from private collections: Catalog. Pushkin State Museum of Fine Arts, Museum of Russian Icons)*. Moscow, Nemeczkaya fabrika pechati Publ., 2009. 592 p. (in Russian)
- Shhennikova L.I. *Ikony` v Blagoveshenskome sobore Moskovskogo Kremlya. Deisusny`j i prazdnichny`j ryady` ikonostasa. Katalog (Icons in the Annunciation Cathedral of the Moscow Kremlin. The Deisis and Feasts tiers of the iconostasis. Catalog)*. Moscow, Krasnaya ploshhad` Publ., 2004. 288 p. (in Russian)

А.Ф. Литвина, Ф.Б. Успенский

Плащаница «Положение во гроб» из ризницы Троице-Сергиева монастыря (1598 г.): Вклад князя Ивана Голицына в свете ономастических данных*

© 2024

УДК 27-526.1"15"

ББК 85.12

Л64

Поступила в редакцию 22.10.2024

В 1598 г. один из представителей рода князей Голицыных, Иван Иванович Шпак, делает вклад в Троице-Сергиев монастырь, где со временем, в 1607 г., будет погребен — он отдает роскошно вышитую плащаницу «Положение во гроб» (или «Оплакивание Христа»), работа над которой заняла не менее трех лет¹[ил.1]. В тексте пространной вкладной записи вкладчик поименован своим известным по множеству других источников календарным именем *Иван*:

Въ лѣто 7103 [1595], извольнїемъ ст҃я Троицы Оца и Сна и дѣйствиємъ стго Дха сия плащаница зачата дѣлати при державѣ христоролюбиваго великаго государя блгочестиваго цря и великаго князя Феодора Ивановича всея Русїи Самодержца Божїєю милостїю и совершилася и дана сия плащаница въ домъ Живоначальныя Троицы и Пречистыя Богородица честнаго и славнаго ея Успенїя и великихъ чудотворцевъ Сергїя и Никона въ лѣто 7106 [1598] при державѣ христоролюбиваго и великаго государя благочестиваго Цря и великаго кнзя Феодора Ивановича всея Русїи Самодержца въ пятнадцатое лѣто царства его даль кнзь Иванъ Ивановичъ Голицынъ въ славу и честь и въ поклоненїи ст҃я Троицы Оца и Сна и стго Дха и во вѣки вѣковъ аминь [Георгиевский, 1914. С. 18–19]².

* При подготовке публикации использованы результаты проекта «Языки и тексты русской культуры XI–XVIII вв.: проблемы интерпретации», выполняемого в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2024 г.

1 Сергиево-Посадский музей-заповедник, инв. № 2425 ихо.

2 Ср. также: [Леонид Кавелин, 1881. С. 33–34 (№ 88); Воронцова, 2014. С. 298, 302–305, ил. 197]. Здесь и далее выделение разрядкой принадлежит нам.

илл. 1 Положение во гроб. Плащаница. 1598. Сергиево-Посадский музей-заповедник, инв. № 2425 ихх

fig. 1 The Shroud depicting the Entombment. 1598. Sergiev Posad Museum-Reserve, inv. no. 2425

Непосредственно в центральное поле плащаницы, по углам композиции «Оплакивание Христа», помещены подписанные изображения четырех святых. Это свв. Евфросиния и Стефанида (слева от Христа), Николай Угодник и Моисей Мурин (справа от Христа)³. Еще Н.А. Маясова [Маясова, 1968. С. 131] предположила, что эти изображения, самое присутствие которых в среднике довольно необычно, несут патрональный характер, однако с уверенностью указала лишь одну из связей такого рода: св. Евфросиния, со всей очевидностью, является небесной покровительницей родной дочери Ивана Ивановича, которая примерно девятью годами позже дает в монастырь поминальный вклад по своему отцу [Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря, 1987. С. 135 (л. 515)], а еще через десять лет (в 1617 г.) сама будет погребена здесь же, в Троице-Сергиевом монастыре, с северной стороны Троицкого собора [Список погребенных, 1880. С. 4]. О том, что св. Стефанида могла быть небесной покровительницей супруги князя, исследовательница говорит сугубо гипоте-

3 В исследовании В.Т. Георгиевского [Георгиевский, 1914. С. 18] образ св. Моисея не идентифицирован и охарактеризован как «неизвестный святой», правильная идентификация изображения присутствует в работах Н.А. Маясовой [Маясова, 1968. С. 131] и Т.Н. Манушиной [Манушина, 1983. С. 74 (№ 18)].

тически и вовсе не приводит каких-либо патрональных связей, касающихся фигур св. Николая и св. Моисея.

Между тем сегодня у нас есть все основания утверждать, что появление в центральной композиции св. Моисея Мурина имеет самое непосредственное отношение к фигуре вкладчика плащаницы. Целый ряд монастырских документов позволяет надежно определить, что интересующий нас князь Голицын, боярин, остававшийся воеводой при четырех царствованиях и принимавший участие в военных походах вплоть до последнего года жизни, был обладателем не только имени *Иван*, но и *Моисей* — в некоторых источниках оно названо напрямую, тогда как в других его наличие репрезентируется упоминанием соответствующих дат.

Так, в Кормовых книгах Кирилло-Белозерского монастыря зафиксировано следующее:

Того же месяца [августа] в 20 день [...] по князе Иване Ивановиче Голицыне, имя ему Моисей, да по княгине его, иноке Софье; да по княжне Ефросинии, дочери их [Кормовое поминовение, 2012. С. 132 (л. 227 об.), 322 (л. 27)]⁴.

В еще одной Кормовой книге из той же обители, которая датируется 1573–1576 гг., наш князь появляется под двумя своими именами, и помянуть его — очевидно, за здоровье — предписывается 28 августа, единственный день в году, когда празднуется память Моисея Мурина:

...по кнѣ Иванѣ Ивановичѣ Голицыне а ѿма емѸ Моисеи да по кнѣгине его иноѣ Соѣе (РГАДА. Ф. 196. Оп. 3. Ед. хр. 843. Л. 27 об.)⁵.

По всей видимости, *Моисей* не просто еще одно светское имя Голицына, но имя самое главное — крестильное. Именно поэтому св. Моисей Мурин изображен на плащанице и именно из-за этого имени *Моисей* в Кормовой книге не требуется никаких поясняющих эпитетов, поскольку имя крестильное — это имя как таковое, имя *par excellence*, его можно помечать как «молитвенное», «крестильное» или «прямое», а можно — при противопоставлении всем прочим именованиям — называть просто «именем».

Иными словами, казус Ивана Голицына — это, в сущности, классический случай светской христианской двуименности: будучи однажды обнаружен, он в целом не вызывает у исследователя существенных затруднений⁶. Здесь следует обратить внимание разве что на одно обстоятельство: в конце XVI — начале XVII в. некоторых представителей знатнейших фамилий могли помянуть

4 В публикации Кормовой книги Кирилло-Белозерского монастыря И.П. Сахарова [Сахаров, 1851. С. 87] одно из имен князя подверглось искажению: «...да по князѣ Иванѣ Ивановичѣ Голицынѣ, именуемой Сѣй...». Фигурирующее здесь число — 20 августа — это дата кончины дочери Голицына, Евфросинии Ивановны, к которой и приурочено, по-видимому, поминовение всех остальных членов семьи. В указателе к публикации И.П. Сахарова [Там же. С. 94] интересующий нас Иван Иванович Голицын ошибочно поименован *Иваном Васильевичем*.

5 Ср. также: [Шаблова, 2012. С. 351 (примеч. 86)].

6 О традиции светской христианской двуименности в допетровской Руси см. подробнее: [Литвина, Успенский, 2020; Они же, 2022].

как на празднование тезоименитого святого по крестильному, так и на память небесного тезки по публичному — некрестильному — имени. Подобное двукратное, а после смерти и троекратное поминовение (важен становился и день кончины), по-видимому, являло собой своеобразное неточное подражание коммеморативным практикам правящего дома — в XVI в. царей и великих князей обыкновенно поминают трижды⁷. В случае Ивана / Моисея Голицына о такого рода подражании говорить можно лишь с изрядной долей условности. Действительно, в некоторых источниках его предписывается помянуть не на 28, а на 29 августа — на Усекновение главы Иоанна Предтечи [Кормовая книга Новоспасского монастыря, 1903. С. 26 (л. 109 об.)], да и имя *Моисей* в таких текстах не фигурирует. Однако последовательная имитация царского образца предполагала, что вкладчик поминается по двум небесным покровителям в стенах одной и той же обители. В коммеморативном же досье князя Голицына ничего подобного не обнаруживается — в Кирилло-Белозерском или в Иосифо-Волоколамском монастыре его поминают как *Моисея*, а, скажем, в московском Новоспасском как *Ивана*. В синодиках два имени князя могут встретиться в пределах одной «рубрики», однако они функционально разнесены в полном соответствии со статусом антропонимов — публичное *Иван* появляется в заголовке, а крестильное *Моисей* в перечне поминаемых:

Род князя Иоанна Ивановича Голицына. Князя монаха схимника Михаила, князя Козмы, князя... князя Георгия, князя монаха схимника Арсения, князя монаха схимника Давыда, князя Василиа, князя монаха схимника Иоасафа, князя Василиа, князя Романа младенца, князя Василиа младенца, князя Моисея, князя Никита младенца, князя Омелиана младенца, князя Ермолая младенца, князя Михаила младенца, князя Василиа младенца, князя монаха схимника Васиана... [Алексеев, 2021. С. 92 (л. 108)].

Подобное распределение совершенно стандартно в рамках традиции светской христианской двуименности и лишь подтверждает тот факт, что Шпака Голицына крестили *Моисеем*, а в повседневной жизни звали *Иваном*.

При этом в антропонимическом досье князя Голицына есть одна любопытная деталь: один из его патрональных праздников выпадает на канун другого. По всей видимости, ребенок родился 28 августа, на единственный в году праздник Моисея Мурина, но уже на следующий день, 29 августа, отмечается Усекновение главы Иоанна Предтечи. Вообще говоря, в такой ситуации нарекающие без труда могли обойтись и одним-единственным именем *Иван*, которое тесно связано с датой появления ребенка на свет и хорошо подходит по родовым соображениям, не говоря уже о том, что на 29 августа приходятся царские именины, и новорожденный стал бы тезкой государя по крестильному имени.

Однако известен целый ряд случаев (и казус Ивана / Моисея в их числе), когда детей и в такой ситуации все же наделяют двумя календарными антропонимами, очевидно, христианская двуименность в такой семье сама по себе

⁷ О троекратном поминовении членов правящего рода см.: [Литвина, Успенский, в печати (1)].

мыслится как нечто желательное и особенно благочестивое. В обширном роду Голицыных она встречается не единожды, в частности, кто-то из ближайших родичей Ивана / Моисея явно имел в миру еще одно имя, *Стахий* (ОР РГБ. Ф. 304. III № 25. Л. 243 об.), но установить, кто именно это был, пока не удастся — очевидно, что в доступных на сегодняшний день документах он фигурирует под каким-то иным (публичным) именованием. Еще более существенно, что двуименным несомненно был родной племянник Ивана / Моисея, князь и боярин Андрей / Алексей Голицын († 1638)⁸. Обратим внимание, что по своему публичному имени *Андрей* он был тезкой своего отца, Андрея Ивановича — в этом отношении его имянаречение было устроено так же, как и у Ивана / Моисея Ивановича, да вдобавок Андрей / Алексей Андреевич передал «прямое» (крестильное) имя *Алексей* своему сыну боярину и «наместнику Болгарскому» князю Алексею Андреевичу Голицыну († 1694). В этой линии Голицыных двуименность, таким образом, была одним из средств демонстрации семейного единства. Использование в родовой практике наречения подобных стратегий, внимание к канунам и акцентуация семейной преемственности заставляет думать, что двуименность использовалась у Голицыных шире, чем мы знаем на сегодняшний день, и провоцирует дальнейшие поиски.

Несколько сложнее и отчасти загадочнее выглядит сюжет с именами и биографией княгини Голицыной, супруги Ивана / Моисея, хотя о христианской двуименности в миру речь здесь, по-видимому, не идет. В письменных источниках мы знаем ее, по преимуществу, как инокиню Софью:

да по князь Иванъ Ивановичъ Голицынъ, именуемой Сѣй⁹, да по княгинѣ его инокѣ Софѣ, дачи ихъ во 114 [1606] году денегъ 106 рублевъ, 24 алтына и деньга [Кормовая книга Кирилло-Белозерского монастыря, 1851. С. 87].

Дело, однако, затрудняется тем, что из источников этого времени известны по крайней мере две монахини Софьи Голицыны, и кто из них давал те или иные вклады или совершал те или иные деяния, не всегда легко разобраться. Ситуация осложняется еще и тем, что родство между ними было хотя и не кровным, но достаточно близким: одна из них была женой Ивана / Моисея, тогда как другая, более знаменитая, была супругой его родного дяди. Соответственно, возникают и некоторые сложности с тем, какие имена каждая из них носила в крещении, хотя сами эти имена, *Соломонида* и *Стефанида*, известны. Вдобавок ко всему путаница эта, по-видимому, зародилась довольно давно, еще в документах раннего Нового времени.

По некоторым данным и прежде можно было догадаться, что *Стефанидой* звалась в миру супруга нашего Ивана / Моисея Голицына. Во всяком случае,

⁸ Ср. в частности, надписи на иконе преподобного Иакова Железоборовского чудотворца из Предтеченской церкви Железоборовского монастыря (Буйский уезд, Костромская область): «Лѣта 7140 [1632] украшенъ сей чудотворный образъ многогрѣшнымъ княземъ Андреемъ, а прямое имя — Алексѣй Голицынъ» [А.С[пицын], 1909. С. 134 (№ 186); Церкви Костромской епархии... 1909. С. 70].

⁹ Об этом дефектном чтении в публикации И.П. Сахарова см. выше, примеч. 4.

в той поминальной записи Кормовой книги московского Новоспасского монастыря, где Ивана / Моисея предписывается поминать на 29 августа (Усекновение главы Иоанна Предтечи), ее имена обозначены так:

Августа въ 29 день поминати боярина князя Ивана Ивановича Голицына да княгиню Стефаниду во иноцѣхъ Софію да княжну Евфросинію, а быти по нихъ корму [Кормовая книга Новоспасского монастыря, 1903. С. 26 (л. 109 об.)].

Как *Стефанида* Голицына упоминается и в одной из вкладных книг Иосифо-Волоколамского монастыря (РГАДА. Ф. 1192. Оп. 2. Д. 395. Л. 215 об.–216). В сочетании с образом св. Стефаниды на плащанице, пожертвованной ее мужем, эта запись позволяет говорить со всей определенностью, что княгиня и в самом деле в крещении была *Стефанидой*, а монашеское имя было подобрано к *Стефанида* по созвучию, в полном соответствии общераспространенной практикой того времени. Н.А. Маясова [Маясова, 1968. С. 131] почему-то полагала, что ко времени дарения плащаницы 1598 г. в Троице-Сергиев монастырь нашей Стефаниды (Софьи) уже не было в живых. Однако, судя по процитированному выше свидетельству из Кормовой книги Кирилло-Белозерского монастыря, представляется более вероятным, что она дожила по крайней мере до 1606 г., поскольку вклад, сделанный под этим годом, характеризуется, скорее, как сделанный четой Голицыных совместно («...дачи ихъ во 114 [1606] году денегъ 106 рублей, 24 алтына и деньга») [Кормовая книга Кирилло-Белозерского монастыря, 1851. С. 87].

Сложнее определить, случалось ли Стефаниде (Софье) Голицыной жертвовать монастырям какое-либо еще лицевое шитье, кроме плащаницы «Оплакивание Христа». Здесь-то как раз и вступает в действие путаница, спровоцированная тождеством монашеских имен двух княгинь Голицыных, которые — в понятиях своего времени, когда терминология кровного родства последовательно переносилась на отношения между свойственниками, — именовались бы *теткой* (Соломонида, в мон. Софья) и *племянницей* (Стефанида, в мон. Софья)¹⁰.

С одной стороны, известно, что в 1597/1598 г. старшая из них, Соломонида, дала вкладом в Кирилло-Белозерский монастырь шитую пелену с изображением чудотворца Кирилла и дробницами, сохранившуюся до наших дней [Кормовая книга Кирилло-Белозерского монастыря, 1851. С. 61; Варлаам, 1859. С. 61 (№ 2), 98 (примеч. 141); Маясова, 1989. С. 219–220]. Этот вклад, счастливым образом, «задокументирован» дважды: на самом предмете и в монастырских вкладных записях под тем же годом. При этом более поздний, обобщающий текст, составленный в том же монастыре, как будто бы приписывает дарение пелены

10 Доподлинно известно, к примеру, что родная сестра Ивана / Моисея Голицына, вдова Степана Александровича Волошского, инока Марфа Ивановна в своем завещании адресуется к Соломониде (Софье) как к «государыне своей тетушке княгине старице Софье Ивановне Голицыне» [Лихачев, 1893. С. 23 (прилож.)] (при том, что та в миру была супругой ее покойного дяди) и делает ее — наравне с кровными двоюродными братьями — своей душеприказчицей.

с изображением Кирилла Белозерского нашей Софье Голицыной, супруге Ивана / Моисея [Кормовая книга Кирилло-Белозерского монастыря, 1851. С. 87]. По-видимому, это результат заблуждения составителя источника¹¹ — существует лишь небольшая вероятность, что Стефанида (Софья), вторя Соломониде (Софье), пожертвовала в обитель еще один шитый образ чудотворца Кирилла с дробницами в такую же цену (30 руб.). Ничего невероятного, разумеется, в таком подражании нет, но мы ни в коем случае не хотели бы на нем настаивать. Скорее, речь идет, повторимся, об одном-единственном образчике лицевого шитья, вложенном в монастырь Соломонидой (Софьей) Голицыной в 1597/1598 г.

Отметим только, что провоцирующие все эти сложности совпадения монашеских имен двух княгинь Голицыных — само по себе явление не случайное. В XVI — первой половине XVII в. в знатных домах (а возможно, и не только в них) прослеживается довольно выраженная тенденция повтора монашеских имен у постригающихся женщин. Так, известны по меньшей мере две инокини Александры Сабуровы, пребывавшие одновременно в суздальском Покровском монастыре — царевна Евдокия (Александра) Сабурова и ее родственница в 8-м колене, предположительно дочь Фёдора / Феодота Попа Сабурова, мирское имя которой на сегодняшний день остается неизвестным¹². Иногда такое тождество имен могло даже пересиливать стремление подбирать монашеское имя по созвучию к крестильному. Достаточно вспомнить, что царица Ирина Годунова сделалась во иночестве *Александрой*, причем ее мирское и иноческое имя друг другу соответствовали (*Арина / Александра*), тогда как ее свойственница-тетушка, знаменитая хозяйка художественных мастерских Стефанида / Матрона Годунова, постригаясь значительно позже своей царственной племянницы, стала во иночестве *Александрой*, так сказать, вслед за нею, хотя ее крестильному имени (*Матрона*) *Александра* созвучно не было [Литвина, Успенский, 2022. С. 134–136].

Весьма вероятно, таким образом, что и супруга Ивана / Моисея Стефанида стала *Софьей* вслед за своей знаменитой теткой по мужу Соломонидой (Софьей), которая, прожив много лет в московском Вознесенском монастыре, в 1613 г. сделалась его игуменьей¹³, тем более что монашеское имя *Софья* прекрасно походило Стефаниде «по созвучию». При этом о времени ее пострига мы пока ничего определенного сказать не можем. Характерно, что присутствие изображения св. Стефаниды, мученицы Дамасской (а это единственная святая с таким именем в русских месяцесловах), ничем не облегчает решение этой задачи. Небесные покровители по крестильному имени равно могли

11 Версии об ошибке именно в этом фрагменте Кормовой книги однозначно придерживалась и Н.А. Маясова [Маясова, 1989. С. 219].

12 См.: [Литвина, Успенский, в печати (2)].

13 К уже упоминавшемуся завещанию инокини Марфы Ивановны Волошской, родной сестры Ивана / Моисея, составленному в апреле 1613 г., Соломонида (Софья) прикладывает руку еще как старица своего монастыря [Лихачев, 1893. С. 26 (прилож.)], тогда как в августе 1613 г. она показана уже как игуменья [Стров, 1877. С. 223 (№ 30)].

присутствовать как на вкладышах светских лиц, так и на дарении монашествующих, уже получивших новое имя, ведь именины монахи, как правило, праздновали под прежним, крестильным именем и с не меньшим усердием продолжали чтить своего исконного патронального святого, прося о посмертном поминовении именно на его празднование и заказывая его изображения.

Итак, загадочным остается лишь образ св. Николы на среднике плащаницы Ивана / Моисея Голицына. Со временем имя *Николай* станет весьма популярно в этом княжеском роду, так что естественно было бы думать, что и здесь мы имеем дело с личным патронатом. То обстоятельство, что его как будто бы не находится среди современных Ивану / Моисею членов этой семьи, само по себе не должно было бы нас останавливать, поскольку его мог носить кто-то из членов его семейства, публично известный под другим именем, или дитя, скончавшееся во младенчестве. Существенно, однако, что в XVI столетии имя *Николай* вообще весьма редко на Руси — в честь Николы Угодника обыкновенно стремились не называть ни в крещении, ни в публичном обиходе, ни в монашестве. Разумеется, исключения из этой традиции благочестивого табуирования есть, но всяческие попытки приписать антропоним столь нетривиальной судьбы кому-нибудь из князей Голицыных, требует сугубой осторожности.

Отдельный интерес представляют многочисленные парные и одиночные фигуры святых, вышитые на кайме плащаницы¹⁴. Нередко та или иная часть каймы (к примеру, нижняя сторона, левая или ее углы) отдается для патрональных изображений святых тезок самого вкладчика и его родни, однако в нашем случае мы, как уже говорилось, наблюдаем иной композиционный подход — небесные покровители Ивана / Моисея, его жены и дочери помещаются в другом поле, по углам средника. Следует ли все-таки отыскивать в изображениях на кайме следы каких-либо патрональных связей с Голицыными? Теперь едва ли можно принять наблюдение Л.М. Воронцовой [Воронцова, 2014. С. 298], согласно которому «великий молитвенник [Сергий Радонежский] изображен в круглом клейме вместе с небесным покровителем вкладчика — святителем Иоанном Златоустом», поскольку даже свое публичное (некрестильное имя) Иван / Моисей получил, по всей видимости, по Иоанну Предтече, а не по Златоусту. С другой стороны, и изображение Крестителя, присутствующее в середине верхней каймы, если и можно считать патрональным, то лишь в самом общем смысле — его присутствие там весьма уместно и чрезвычайно распространено вне какой-либо зависимости от антропонимического досье

14 Ср. описание В.Т. Георгиевского [Георгиевский, 1914. С.18]: «Поля плащаницы темнокоричневого (кофейного) цвета камки украшены шитьем: в круглых медальонах вышиты по углам 4 евангелиста, в середине верхнего поля Господь Саваоф и св. прор. Даниил, Иеремия, Иоанн Предтеча, ц. Давид, Соломон, Наум; в нижнем поле, в середине: Иаков брат Господень, Дионисий Ареопagit, Василий Великий, Григорий Богослов и Иоанн Златоуст [sic! — А.Л., Ф.У.], Лазарь, Петр, Алексий, Иона и преп. Сергий [sic! — А.Л., Ф.У.]».

вкладчика. Не мог ли Иоанн Златоуст, изображенный в паре с основателем Троицкой обители, быть небесным патроном отца Ивана / Моисея Голицына, князя Ивана Юрьевича? Даже и на этот вопрос определенного ответа у нас на сегодняшний день нет. Как кажется, необходимы дальнейшие разыскания, которые позволили бы определить, связывал ли вообще автор программы плащаницы образы на кайме с родней вкладчика. Пока перечень избранных для каймы святых в сопоставлении с известными сейчас именами близких родственников Ивана Ивановича, скорее, говорит об обратном.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев А.И. Синодик московского Богоявленского монастыря 1670–1730-х гг. // Вестник церковной истории. 2021. № 3–4 (63–64). С. 5–211.
- Варлаам, архим. Описание историко-археологическое древностей и редких вещей, находящихся в Кирилло-Белозерском монастыре // Чтения в императорском Об-ве истории и древностей российских при Московском ун-те. 1859. Кн. III: июль–сентябрь. Отд. 1: Исследования. С. 1–104.
- Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря / Изд. подг. Е.Н. Клитина, Т.Н. Манушина, Т.В. Николаева; отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1987. 439 с.
- Воронцова Л.М. Сокровища ризницы эпохи Московского царства. XVI — начало XVII века // Ризница Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. Т. I. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2014. С. 183–310.
- Георгиевский В. [Т.]. Древнерусское шитье в ризнице Троице-Сергиевой лавры // Светильник: Религиозное искусство в прошлом и настоящем. 1914. № 11–12. С. 3–26.
- Кормовая книга Кирилло-Белозерского монастыря / Публ. И.П. Сахарова // Записки Отделения русской и славянской археологии императорского Археологического общества. СПб., 1851. Т. I. Отд. 3. С. 46–89.
- Кормовая книга Московского ставропигиального Новоспасского монастыря. М.: Тов-во скоропечатни А.А. Левенсон, 1903. VIII, 28 с.
- Кормовое поминовение в Успенском Кирилло-Белозерском монастыре в XVI–XVII веках. Публикация: Синодичное предисловие; Книга кормовая; Синодик кормовой / Подг. текстов и исследование Т.И. Шабловой. СПб.: Реноме, 2012. 402 с.
- Леонид (Кавелин). Надписи Троицкой Сергиевой лавры. СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1881. 98 с.
- Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. «Се яз раб Божий...» Многоименность как фактор и факт древнерусской культуры. СПб.: Евразия, 2020. 128 с.
- Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Годунов в кругу родни (Биографические разыскания). СПб.: Евразия, 2022. 224 с.
- Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Сестра — жена — вдова: Феномен Аграфены Челядниковой и ее семейства // Slověne = Slověne. International Journal of Slavic Studies. 2024. Т. XIII, № 1, в печати (1).
- Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Кубок и крест, ковчег и надгробье. Имена и вещи в подспудной истории Смутного времени // Studi Slavistici. 2024. Т. XXI, № 2, в печати (2).
- Лихачев Н.П. Новое родословие Голицыных. СПб.: Изд. редакции журнала «Библиограф», 1893. 26 с.
- Маясова Н.А. Древнерусское лицевое шитье из собрания Кирилло-Белозерского монастыря // Древнерусское искусство: Художественные памятники русского Севера / Отв. ред. и сост. Г.В. Попов. М.: Наука, 1989. С. 203–224.
- Маясова Н.А. Художественное шитье // Троице-Сергиева лавра: Художественные памятники / Под ред. Н.Н. Воронина, В.В. Косточкина. М.: Искусство, 1968. С. 112–139.

- С[пицын] А. Из архива императорской Археологической комиссии: III. Костромская губерния // Известия императорской Археологической комиссии. Вып. 31 (Вопросы реставрации, вып. 8). СПб., 1909. С. 67–296.
- Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви / Сост. П. Строев. СПб.: Археологическая комиссия, 1877. [Репр.: М., 2007.]. X с., 1064, 68 стб.
- Список погребенных в Троице-Сергиевой лавре от основания оной до 1880 года. М.: Тип. Т. Рис, 1880. 101 с.
- Художественное шитье Древней Руси в собрании Загорского музея / Авт.-сост. Т.Н. Манушина. М.: Советская Россия, 1983. 294 с.
- Церкви Костромской епархии. По данным архива императорской Археологической комиссии. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1909. 242 с.

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ

Плащаница «Положение во гроб» из ризницы Троице-Сергиева монастыря (1598 г.): Вклад князя Ивана Голицына в свете ономастических данных

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Литвина Анна Феликсовна — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории лингвосомиотики Школы филологических наук факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Старая Басманная ул., д. 21/4, Москва, Российская Федерация, 105066. annalitvina@gmail.com

Успенский Фёдор Борисович — доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова, РАН, ул. Волхонка, д. 18/2, Москва, Российская Федерация, 119019. fjodor.uspenskiy@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В работе обсуждается связь изображений святых на плащанице «Положение во гроб» из Троице-Сергиева монастыря с именованьем семьи вкладчика — князя Ивана Ивановича Голицына († 1607). Этот образчик лицевого шитья рассматривается в общей перспективе светского и монашеского именованья XVI столетия. Знание крестильных имен самого князя и его родственников позволяет объяснить появление в центральном поле плащаницы св. Моисея, свв. Стефанды и Евфросинии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Лицевое шитье, светская христианская двуименность, монашеские имена, мемориативные практики.

TITLE

The Shroud depicting the Entombment from the sacristy of the Trinity-Sergius Monastery (1598): The contribution of Prince Ivan Golitsyn in light of onomastic data

AUTHORS

Litvina, Anna Felixovna — Ph. D, Leading researcher, National Research University Higher School of Economics, Staraya Basmannaya Ulitsa, 21/4, 105066 Moscow, Russian Federation. annalitvina@gmail.com

Uspenskij, Fjodor Borisovich — Full Doctor, Corresponding Member of Russian Academy of Sciences; Director, V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Volkhonka, 18/2, 119019 Moscow, Russian Federation. fjodor.uspenskiy@gmail.com

ABSTRACT

The paper discusses the connection between the images of saints on the shroud depicting the Entombment from the Trinity-Sergius Monastery and the family name list of the contributor, Prince Ivan Ivanovich Golitsyn († 1607). This example of pictorial embroidery is considered in the general perspective of secular and monastic naming of the 16th century. Knowledge of the baptismal names of the prince himself and his relatives helps explain the appearance of St. Moses, St. Stephanida, and St. Euphrosyne in the central field of the shroud.

KEYWORDS

Face embroidery, secular Christian homonymity, monastic names, commemorative practices.

REFERENCES

- Alekseev A.I. Synodicon of the Moscow Epiphany Monastery of the 1670s–1730s. *Vestnik cerkovnoj istorii (Bulletin of Church History)*, 2021, no. 3–4 (63–64), pp. 5–211 (in Russian).
- Cerkvi Kostromskoj eparhii. *Po dannym arhiva Imperatorskoj Arheologicheskoy Komissii (Churches of the Kostroma diocese. According to the archives of the Imperial Archaeological Commission)*. Saint Petersburg, Tipografiya Glavnogo upravleniya udelov Publ., 1909. 242 p. (in Russian).
- Georgievskij V.[T.]. Old Russian embroidery in the sacristy of the Trinity Lavra of St. Sergius. *Svetil'nik: Religioznoe iskusstvo v proshlom i nastoyashchem (Luminaire: Religious art in the past and present)*, 1914, nos. 11–12, pp. 3–26 (in Russian).
- Klitin E.N., Manushina T.N., Nikolaeva T.V., Rybakov B.A. (eds). *Vkladnaya kniga Troice-Sergieva monastyrja (Contribution book of the Trinity-Sergius Monastery)*. Moscow, Nauka Publ., 1987. 439 p. (in Russian).
- Kormovaya kniga Moskovskogo stavropigial'nogo Novospasskogo monastyrja (*The Feed Book of the Moscow Stavropegic Novospassky Monastery*). Moscow, Tovarishchestvo skopopechatni A.A. Levenson Publ., 1903. VIII, 28 p. (in Russian).
- Leonid (Kavelin). *Nadpisi Troickoj Sergievoj lavry (Inscriptions of the Trinity Lavra of St. Sergius)*. Saint Petersburg, Tip-ya Imperatorskoj akademii nauk Publ., 1881. 98 p. (in Russian).
- Likhachev N.P. *Novoe rodoslovie Golitsynh (New genealogy of the Golitsyns)*. Saint Petersburg, izdanie Redakcii zhurnala "Bibliograf" Publ., 1893. 26 p. (in Russian).
- Litvina A.F., Uspensky F.B. «Se yaz rab Bozhij...» *Mnogoimennost' kak faktor i fakt drevnerusskoj kul'tury ("Behold the servant of God..." Polynormality as a factor and fact of ancient Russian culture)*. Saint Petersburg, Evraziya Publ., 2020. 128 p. (in Russian).
- Litvina A.F., Uspensky F.B. *Godunov v krugu rodni (Biograficheskie razyskaniya) Godunov in the Circle of Relatives (Biographical Research)*. Saint Petersburg, Evraziya Publ., 2022. 224 p. (in Russian).
- Litvina A.F., Uspenskij F.B. Cup and Cross, Ark and Tombstone. Names and Things in the Underground History of the Time of Troubles. *Studi Slavistici*, 2024, vol. 21, no. 2, in print (in Russian).
- Litvina A.F., Uspenskij F.B. Sister — Wife — Widow: The Phenomenon of Agrafena Chelyadnina and Her Family. *Slověne = Slovně. International Journal of Slavic Studies*, 2024, vol. 13, no. 1, in print (in Russian).

- Manushina T.N. (ed.). *Hudozhestvennoe shit'e Drevnej Rusi v sobranii Zagorskogo muzeya (Artistic embroidery of Ancient Rus' in the collection of the Zagorsk Museum)*. Moscow, Sov. Rossiya Publ., 1983. 294 p. (in Russian).
- Mayasova N.A. Old Russian pictorial embroidery from the collection of the Kirillo-Belozersky Monastery. *Drevnerusskoe iskusstvo: Hudozhestvennye pamyatniki russkogo Severa (Old Russian art: Artistic monuments of the Russian North)*. Ed. by G.V. Popov. Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 203–224 (in Russian).
- Mayasova N.A. Artistic embroidery. *Troice-Sergieva lavra: Hudozhestvennye pamyatniki (Trinity Lavra of St. Sergius: Artistic monuments)*. Ed. by N.N. Voronin, V.V. Kostochkin. Moscow, Iskusstvo Publ., 1968, pp. 112–139 (in Russian).
- Sakharov I.P. (publ.) Feed book of the Kirillo-Belozersky Monastery. *Zapiski Otdeleniya russkoj i slavyanskoj arheologii imp. Arheologicheskogo obshchestva (Notes of the Department of Russian and Slavic Archaeology of the Imperial Archaeological Society)*. Saint Petersburg, 1851. T. I, Dep. 3, pp. 46–89 (in Russian).
- Shablova T.I. (ed.). *Kormovoe pominoenie v Uspenskom Kirillo-Belozerskom monastyre v XVI–XVII vekah. Publikaciya: Sinodichnoe predislovie; Kniga kormovaya; Sinodik kormovoj (Feed commemoration in the Assumption Kirillo-Belozersky Monastery in the 16th–17th centuries. Publication: Synodical Preface; Feed Book; Feed Synodicon)*. Saint Petersburg, Renome Publ., 2012. 402 p. (in Russian).
- Spisok pogrebennyh v Troice-Sergievoj lavre ot osnovaniya onoj do 1880 goda (List of those buried in the Trinity Lavra of St. Sergius from its foundation until 1880)*. Moscow, Tip. T. Ris Publ., 1880. 101 p. (in Russian).
- S[pitsyn] A. From the archive of the Imperial Archaeological Commission: III. Kostroma province. *Izvestiya imperatorskoj Arheologicheskoi komissii. Vyp. 31 (Voprosy restavracii, vyp. 8) (Bulletin of the Imperial Archaeological Commission. Issue 31 (Questions of restoration, issue 8))*. Saint Petersburg, 1909, pp. 67–296 (in Russian).
- Stroev P. (comp.). *Spiski ierarhov i nastoyatelej monastyrej rossijskiya cerkvi (Lists of hierarchs and abbots of monasteries of the Russian church)*. Saint Petersburg, Arheograf. komis. Publ., 1877. [Reprint: Moscow, 2007]. X p., 1064, 68 cols. (in Russian).
- Varlaam, archim. Description of the historical and archaeological antiquities and rare items located in the Kirillo-Belozersk Monastery. *Chteniya v imperatorskom Obshchestve istorii i drevnostej rossijskih pri Moskovskom universitete (Readings at the Imperial Society of Russian History and Antiquities at Moscow University)*, 1859, Book III: July–September. Section 1: Research, pp. 1–104 (in Russian).
- Vorontsova L.M. Treasures of the sacristy of the era of the Muscovite kingdom. XVI – early XVII century. *Riznica Svyato-Troickoj Sergievoj Lavry. T. I. Svyato-Troickaya Sergieva Lavra (Sacristy of the Holy Trinity Lavra of St. Sergius. T. I. Holy Trinity Lavra of St. Sergius)*, 2014, pp. 183–310 (in Russian).

Б. Пенкова

Две поствизантийские иконы из Роженского монастыря

© 2024

УДК 27-526.62(497.2)
ББК 85.14
П25

Поступила в редакцию 24.09.2024

Поствизантийская живопись — это художественное явление, сочетающее в себе многовековую византийскую традицию с рядом новых идейно-художественных элементов, пришедших как с католического Запада, так и с православного Востока. Она формировалась в качественно новую эпоху по сравнению с предыдущей, которую мы называем византийской, отмеченной османским господством на Балканах. Для поствизантийской живописи характерны произведения с уникальной иконографией, которую можно описать как типично «пост-византийскую», уходящую корнями в византийскую традицию, но в то же время открытую для различных влияний и создающую свои собственные оригинальные формы. Поэтому методологический инструментарий классического византийского иконографического анализа часто оказывался недостаточным для полноценной интерпретации некоторых памятников поствизантийского искусства. На современном этапе наиболее изученным можно считать вопрос о так называемом западном влиянии в поствизантийской живописи, оказываемом в основном работами знаменитых критских зографов. Но искусство поствизантийского периода было открыто и для влияния с Востока, из России, где в XVI–XVII вв. искусство переживало настоящий расцвет. Это влияние на памятники этого периода на Балканах остается малоизученным [Героу, 1989; Гергова, 2010].

Две иконы Богоматери, хранящиеся в Роженском монастыре Рождества Богоматери, дают нам редкую возможность увидеть, как поствизантийская балканская иконопись взаимодействовала с русским искусством XVI–XVII вв. Обе иконы не имеют точной датировки, об их происхождении ничего не известно, но их объединяет поразительное сходство в модели создания — в иконографии использованы образцы русской иконописи, стиль в целом балканский, а редкие и даже уникальные эпитеты Богоматери отсылают к византийской традиции. Роженский монастырь является самым значительным и древним